

И Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, автор этого труда, который ни разу ни единым словом не солгал умышленно о том, что ему было ведомо, – а он бывал на всех советах – свидетельствует, что никогда еще не было столь прекрасного зрелища: и флот этот был именно таким, который непременно должен завоевать земли, ибо, насколько видел взгляд, все пространство было заполнено парусами, и сердца людей преисполнились радости.

Корабли двинулись в путь через широкое водное пространство, пока не достигли мыса Малиа на дальнем конце узкого перешейка, за которым простиралось открытое море. Здесь им довелось встретить два корабля с рыцарями и оруженосцами, которые возвращались из Сирии; они были из тех, которые ушли из гавани Марселя. Увидев нашу армаду, столь прекрасную и богатую, они устыдились так, что не осмелились показать свои лица. Граф Балдуин Фландрский и Эно выслал лодку узнать, что это за люди, и ему поведали, кто они такие.

Оруженосец с одного из кораблей прыгнул в лодку графа и сказал тем, кто оставался: «Можете пользоваться моим имуществом, что на корабле, а я поеду с ними, потому что, как сдается мне, они должны завоевать землю». Этого человека встретил самый сердечный прием. Недаром говорят люди, что, сколько бы человек ни ошибался, он всегда может вернуться на праведный путь.

Продолжая путь, флот дошел до острова Негропонта (о. Эвбея в Греции. – Ред.), где расположен очень красивый город с тем же названием (г. Халкис. – Ред.). Тут бароны провели совет, после которого маркиз Бонифаций Монферратский и граф Балдуин Фландрский и Эно (Геннегау) с большей частью галер и транспортов и с сыном свергнутого императора Исаака II Ангела отправились прямо на юг, пока не подошли к острову Андрос, где и высадились на сушу. Рыцари вооружились и заняли эти места, пока наконец жители Андроса не воззвали к сыну императора Константинопольского Алексею, чтобы он сжалился над ними, и дали ему столько денег и добра, что смогли заключить с ним мир. Затем рыцари вернулись на свои корабли и двинулись своим путем. Но в этом путешествии их постигло великое несчастье: Гюи, шателен де Куси, занимавший высокое положение в войске, скончался и был погребен в море.

Тем временем другие корабли, которые не взяли курс на юг, вошли в канал Абидоса, где пролив Святого Георгия соединяется с открытым морем. (Основанный древними греками г. Абидос располагался на восточном, азиатском берегу пролива Дарданеллы, его развалины находятся примерно в 5 км к северу от современного Чанаккале; вышеупомянутые канал Абидоса и пролив Святого Георгия – части пролива Дарданеллы. – Ред.) Они проследовали по проливу до этого очень красивого города, расположенного на берегу моря. В его гавани войска сошли с кораблей на берег. Горожане вышли им навстречу и сдали город, потому что не отважились его защищать. Тем не менее войско установило столь надежную охрану, что жители города не потеряли ни единого день.

Войска стояли тут целую неделю, дожидаясь подхода остальных кораблей. За это время они приобрели зерно, потому что подошло время жатвы; оно было им очень необходимо, ибо у них почти не осталось припасов. К концу недели, поскольку Господь даровал хорошую погоду, в Абидос пришли все оставшиеся суда и предводители крестоносцев.

Объединившийся флот вышел из его гавани, и в момент расставания пролив Святого Георгия, тянувшийся к востоку, казалось, весь был расцвечен флагами кораблей, галер и транспортов, и воистину это было великолепное зрелище. Суда шли по проливу, пока в канун Дня Иоанна Крестителя не достигли монастыря Святого Стефана, который был в четырех или пяти милях от Константинополя (Сан-Стефано, совр. Ешилькей, по прямой до Константинополя около 20 км. – Ред.), и отсюда те, кто находился на кораблях, увидели перед собой весь Константинополь. Суда вошли в порт и встали на якорь.

Могу заверить вас, что все они, кто никогда раньше не видел Константинополь, пристально разглядывали его, ибо и представить себе не могли, что на свете может существовать такой прекрасный город. А когда они увидели эти высокие стены и могучие башни, которыми он был огражден, и богатые дворцы, и церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, не увидь он все это своими глазами, они оценили длину и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы при виде этого зрелища. Да это было и неудивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, люди никогда не предпринимали столь великое дело. (Автор, по своей простоте, видимо, не знал об осадах Константинополя иранцами, арабами, руссами и др. – Ред.)